

Студенческий театр МГУ

НАШ ДОМ

Культура - 1994 - Москва - с. 2.

Прощание

Люблю православные храмы. Не из какой-либо иступленной религиозности, говоря откровенно, и не по причине экзальтированного русского патриотизма. Люблю, потому что люблю. Саму их архитектуру — купола, кресты, маковки — величественую и домашнюю одновременно. Может быть, безотчетно сказывается генетика, может быть, особый вкус к поэзии российского города...

И нет, простите за дерзость, во всей Москве человека, который бы так радовался восстановлению и возрождению церквей на столичных улицах, ведь всю свою жизнь я проходил мимо них, как мимо убогих складов, затрапезных контор, оскверненных руин. А теперь — пятиглавая Варвара в Путинках! Прекрасный храм Большого Вознесения у Никитских ворот! Из тлена восставший Казанский собор на Красной площади, который так хотела увидеть по телевизору моя умирающая мать!

Эти строки — не дипломатическая фигура речи перед горьким сожалением, которым я собираюсь поделиться. Они такая же правда, как и эта горечь. А вызвана она тем, что знаменитый университетский клуб на Герцена, официально именуемый Домом культуры гуманитарных факультетов МГУ, прекратил свое существование. С пятнадцатого мая он ушел в историческое небытие. Точно так же, как уходили в него, некогда исцеляли из духовного быта, скрывались в пыль сорок сороков московских церквей.

Мне говорят, но ведь торжествует справедливость. Не склад собираются устроить в студенческом прекращенном клубе, не казино, не супермаркет, а воззвратить в эти стены былую домовую церковь святой великомученицы Татьяны, покровительницы Московского университета и всего здешнего студенчества. Не скорбеть, май, надо, а радоваться.

Я бы и радовался, если бы там самым не жаречеркивалась беззащитно вся моя беднота: и счастливая юность, в которой не было ничего более одухотворенного, высокого и уютного, чем клуб МГУ. Когда-то на зоре перестройки позволил себе такое робкое предупреждение: прокладывая дорогу к храму (самый распространённый в те поры образ), не делайте вид, что идет она по выжженной, базальдной пустыне. На обольщайтесь политическими амбициями, идеями рванаша, пусть и закономерно, не забывайте, что у нормальных людей даже и под гнетом теpla своя жизнь с радостями и очарованиями, что даже в безбожном мире существовали свои храмы.

Вот таким храмом, простите за выхожий стиль, и был наш клуб на Герцена. Разумеется, храмом не торжественным, не чинным, безалаберным, как странопримный дом, но собирающим неприказанные, непризнанные таланты со всей огромной Москвы, побуждающим к исканиям ума и духа, отмеченным особой аурой, в которой расширяются души и дарования. Каждый год там свершались события, без которых невозможно вообразить культурную жизнь отдельной столицы. Спектаклем «Такая любовь» по пьесе Павла Когоута Ролан Бжоза (известный тогда лишь твозовской малолетней публике) открыл Студенческий театр, на подмостках которого впервые явились публике Ия Свэйна и Алла Дамидова, дипломированные соседних факультетов журналистики и экономического. Через год Марк Розовский в тех же старых стенах основал студенческую студию «Наш дом», в которой прощались школу осо-

бого эксцентричного мастера Генадий Хазнов, Александр Филиппенко, Семен Фарада... По всей Москве гремел оркестр легкой музыки под руководством Анатолия Кремера. В комнатных под низкими сводчатыми потолками неведомые еще широкому зрителю читали друзьям свои опусы Михаил Шатров, Людмила Петрушевская, Георгий Полонский, Виктор Славкин, Эдуард Успенский, Игорь Волгин... Марк Захаров по возвращении из провинции как режиссер впервые заявил о себе именно в Студенческом театре. И Роман Виткин, должно быть, впервые обрел здесь компанию преданных единомышленников. Сам прославленный мэтр Сергей Юткевич, вспоминая о театральной своей молодости, поставил на Герцена несколько спектаклей.

Впрочем, что это я все о знаменитостях? Конечно, они лучшее доказательство творческой плодотворности нашего клуба, однако не только в них дело. А в том, что университетский ДК по традиции был центром притяжения для думающей молодежи со всей Москвы. Сюда приходили не только за тем, чтобы выступить со сцены, петь или танцевать, но затем, чтобы общаться, совместно расти духовно, творить самих себя. Это так важно в молодости. Без обиды для родного факультета, признаюсь, что образование, полученное мною в клубе, было не в пример серьезнее. Здесь я узнавал имена, которые никогда не звучали у нас на лекциях, и прикасался к идеям, о которых даже упоминать в советском вузе было опасно. Здесь царил чистое знание, не отягощенное вызовами в деканат и комитет ВЛКСМ. И недаром многие наши товарищи сделались известными учеными — философами, математиками, искусствоведами — докторами наук и профессорами. Полагаю, еще раз простите за дерзость, что заинтересовались мы все же божеским делом.

«Если станет нам, вдруг невесело и судьба нас возьмет за оборот — пели мы на одном из капустников, — клуб на Герцена, клуб на Герцена нам опять фонарями мигнуть!»

Больше не мигнет. Ни нам, ни нынешним молодым, кому это еще нужнее. В воскресенье нынешний Студенческий театр под руководством Евгения Славутина — задирный, озорной, непочитительный — устроил историческое закрытие сезона. Как в былые годы на забываемых спектаклях и вечерах, в зале собралась «вся Москва».

Вероятно, именно за постоянно держал клуб подозрением партком А Небезызвестный товарищ Ягодкин, мечтавший о жюри новских лауреах, после оглушительного успеха спектакля «Сказание о царе Маме и Емельяне» закрыл студийную «Наш дом». Закрыть ненавистный им рассадник волюнтаризма — университетский ДК было ему все же не под силу. На это решились в наше демократическое время, мужи из ученого совета МГУ. Разумеется, надо думать, в целях дальнейшего улучшения, усиления, обмолочки, развития, воспитания... На самом же деле, улавливая намерения новой идеологии.

Только не надо противопоставлять церковь и культуру. Они друг друга дополняют, черпают друг в друге поддержку. В двух шагах от клуба на Герцена, или на Большой Никитской, — не знаю, как теперь правильно, — заново открыт чудесно отреставрированный храм.

Ан. МАКАРОВ.